

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

Учитель. Иван Алексеевич Бунин

I

Накануне сочельника учитель земской школы в Можаровке, Николай Нильч Турбин, занимался очень неохотно. Класс был наполовину пуст. Турбин с усилием дотягивал занятия до половины второго. За последнее время во многих неприятностях и в утомительной работе он подкреплял себя напряженным ожиданием праздника и надеждой съездить домой. Но ехать оказалось не на что. Турбин давно уже понял, что никуда не поедет, но сказать себе это определенно все оттягивал. Теперь больше всего хотелось остаться одному. «Обсудим, обсудим!» – думал он беспокойно, прикрывая глаза, и ребята думали, что он или сердит, или нездоров. И правда, к концу занятий у него начало ломить в левой стороне головы.

Когда же школа опустела, Турбин со злобой прихлопнул дверь в передней и быстро пошел в свою комнату.

– Пусть будет так! – сказал он и, хмурясь, скинул с себя пиджак. Повесив его под простыню на стену, он накинул на себя длинный тулуп, крытый казинетом, и лег на кровать. «Ночной зефир струит эфир...» – напевал он мысленно. В голове стояло одно и то же: «Пусть будет так! – черт его побери, не ехать, так не ехать... эка важность!» Тащиться к дьячку обедать не хотелось. Левая сторона головы продолжала болеть. Он обмял плечом подушку поудобнее и старался не шевелиться.

Сквозь дремоту он слышал, как приходил сторож Павел, обивал от снега лапти, крякал с мороза, сморкался и гремел ведрами; видел сквозь полузакрытые веки, что в комнате разливается отсвет заката, и чувствовал, что от холода стынут ноги и кончик носа...

II

Турбину шел двадцать четвертый год. Был он белокур, очень высок ростом, худ и от застенчивости очень неловок. Был он сын сельского дьякона, учился в семинарии, но курса не кончил: по бедности пришлось вернуться домой; дома он все выписывал программы, думая приготовить то в юнкерскую, то в межевую школу. Кончил, однако, экзаменом на сельского учителя и рад был этому. Жить дома было тяжело. Матери он не помнил, а дьякон отличался болезненно-угрюмым характером; лицо у него было, как на старинных иконах у схимников, – темное, деревянное, фигура сухая, сутулая; говорил он глухим басом и все кашлял, заправляя за ухо длинные косицы седых волос. Даже тон его был всегда один – такой, словно он старался вразумить, растолковать, образумить.

Однако, проживши год одиноко, Турбин стал вспоминать об отце с тоской и нежностью, дни и ночи мечтал о поездке домой. Он все обманывал себя надеждами на будущее: вот, мол, дай только это время пережить, а там... все пойдет прекрасно. Лето он пробыл на кондиции – из-за одного содержания – у богатого лесорубщика и думал отправиться домой в августе, хотя недельки на две. Но нужно было справиться к зиме тулуп. Осенью он надеялся на Святки. Со всеми подробностями представлял он себе, как приедет домой... долго будет сидеть с отцом в первый вечер за самоваром, в знакомой чистой и теплой хате, задушевно будет говорить с ним до поздней ночи. А потом поедет в большое торговое село к двоюродной сестре; у сестры будут каждый вечер гости, барышни и молодые люди с фабрики. «Надо будет захватить с собою гитару», – думал Турбин.

Чтобы скопить денег, он от священника перешел обедать и ужинать к дьячку. Но в ноябре отец написал ему, что он должен ехать в губернский город лечиться, и просил денег. Чтобы предупредить отказ, письмо было строго и властно. Внизу же была приписка: «А последнее мое слово: имей Бога и сознание, пожалей мою старость». И учитель отослал все свое сбережение. Осталась надежда заработать корреспонденциями. Он стал почти ежедневно посылать в губернский город статейки под заглавием: «Родные отголоски» и за подписью «Ариель». Но из них взяли только пару заметок – о дождях и о несчастном случае на винокуренном заводе.

III

Школа стояла одиночкой, на горе. Слева были церковь и кладбище, походившее на запущенный сад, справа – косогор. Дорога шла из полей мимо училища влево под гору. Под горой, ниже кладбища, жили духовные; против них, через дорогу, стояли

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

лавка и кабак Грибакина. На той стороне, за речкой, была усадьба Линтварева с белыми хоромами и скучно синеющими рядами елей перед ними. Винокуренный завод вечно дымился в стороне от нее, над речкой. Подле него находились неуклюжие заводские строения – очистные, подвальные – и домики на манер железнодорожных – для служащих.

С завода приходили к Грибакину гости – старый барский повар, всеми уважаемый за его поездку в Иерусалим, о которой он постоянно со смирением и важностью рассказывал, и за его близкое знакомство с интимной жизнью господ, конторщики, подвальные, дистиллятор, медник. Это был народ, лавочнику нужный; по вечерам они забавлялись у него стуколкой. Турбин избегал попадать на такие вечера: его усаживали за карты, а он не любил проигрываться. Да и Грибакин обходился с ним учтиво, но холодно. Весной он заметил, что у его жены, нахально-красивой молодой женщины, стали завязываться с учителем какие-то особенные разговоры, заметил и не подал виду, выжидая, что дальше будет: такой он был благообразный и вежливый старичок в опрятной серой поддевочке. И правда, учитель нравился лавочнице. Но он старался отделяться от нее шуточками. Она сперва покрикивала на него – «это еще что за новости?» – а потом начала звать гулять на кладбище и все чаще напевать сдержанно-страстно, прикрывая, как бы в изнеможении, глаза:

Вот скоро, скоро я уеду,
Забудь мой рост, мои черты!

Тогда Турбин стал пропадать по вечерам в поле. «Пойдут сплетни, – думал он, – различные неприятности... немыслимо!» И лавочница стала говорить ему при встречах дерзости.

«Ага, – думал Грибакин, – перековала язычок!»

В гостях на заводской стороне учитель бывал у дистиллятора Таубкина. Таубкин, молодой еврей, рыжий и золотушный, в золотых очках для близоруких, был человек очень радушный, и у него собиралась большая компания. Но между нею и учителем отношения тоже как-то не завязывались. Учитель дичился, а заводские все были друг с другом запанибрата, – все жили дружно, одними интересами, часто бывали друг у друга, пили портвейн и закусывали сардинами, танцевали под аристон, а после играли в «шестьдесят шесть». Старшие рабочие на заводе из очистной, здоровые мужики в фартуках, отличались во всем грубой решительностью и собственным достоинством. Учитель некоторых из них побаивался даже, – например, посыльного на почту: говорил ему «вы», давал на водку, но посыльный все-таки поражал его своим презрительным спокойствием.

IV

Осень началась солнечными днями.

По воскресеньям Турбин с утра уходил в поле, туда, где видны были на горизонте станция и один за другим уходящие вдаль телеграфные столбы. Его тянуло туда, потому что в ту сторону поезд должен был унести его на родину.

С утра было светло и тихо. Низкое солнце блестело ослепительно. Белый, холодный туман затоплял реку. Белый дым таял в солнечных лучах над крышами изб и уходил в бирюзовое небо. В барском парке, прохваченном ночью сыростью, на низах стояли холодные синие тени и пахло прелым листом и яблоками; на полянах, в солнечном блеске, сверкали паутины и неподвижно рдели светло-золотые клены. Резкий крик дроздов иногда нарушал тишину. Листья, пригретые солнцем, слабо колеблясь, падали на темные, сырые дорожки. Сад пустел и дичал; далеко виден был в нем полураскрытый, покинутый шалаш садовника.

Не спеша, учитель всходил на гору. Село лежало в широкой котловине. Ровно тянулся ввысь дым завода; в ясном небе кружили и сверкали белые голуби. На деревне всюду резко желтела новая солома, слышался говор, с громом неслись через мост порожние телеги... А в открытом поле – под солнцем, к югу – все блестело; к северу горизонт был темен и тяжел и резко отделялся грифельным цветом от желтой скатерти жнивья. Издалека можно было различить фигуры женщин, работающих на картофельных полосах, медленно едущего по полю мужика. Золотистыми кострами пылали в лощинах лесочки. Кирпично краснели крыши помещичьих хуторов. Учитель напряженно смотрел на них. Им овладевало беспокойство одиночества, тянуло в эту неизвестную ему среду, в новую обстановку, где жизнь, как ему казалось, проходит свободно, легко, весело. И за думами о помещичьей жизни он совсем не видел

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
простора, красоты, которая была вокруг.

На месте срубленного леса белела щепка, среди обрубленных сучьев и поблекших листьев возвышались три длинные, тонкие березки с уцелевшими макушками. Их очертания так хорошо гармонировали с открытыми полями. А Турбин, при виде этих березок, всегда вспоминал, что здесь он встретил жену Линтварева. С Линтваревыми он познакомился и встречался несколько раз на станции. Они держали себя с ним просто и даже ласково. Про Линтварева было слышно, что он окончил курс в университете, увлечен земскими делами, профессиональным образованием. Все это, с придачей богатства и знатности, внушило Турбину большое уважение к Линтваревым. При встрече с ним жена Линтварева так ласково улыбнулась ему и показалась так изящна и аристократична, что учитель покраснел от радости и тут же решил непременно побывать у них в гостях, завязать прочное знакомство. Он долго глядел вслед ее английскому шарабану. Он не видел, куда идет, мечтая о том, как он будет сидеть у Линтварева на балконе, вести интересный, живой разговор, пить прекрасный чай и курить дорогую сигару...

V

В конце сентября, в октябре дожди лили с утра до ночи. Линтваревы уехали. Сад их почернел, стал как будто ниже и меньше. Деревня приняла темный, жалкий вид. Холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. В училище запахло кислой печной сыростью, стало холодно, темно и неуютно.

Турбин вставал еще при огне, в ту неприязненную пору, когда, после мрачной дождливой ночи, над грязными полями, над колеями дорог, полными водою, недовольно начинал дымиться бледный рассвет. Будил стук дверей. Ребята натаскивали на лаптях в переднюю грязи, возились, топали и кричали. В двери несло ледяной сыростью. С дрожью подходил учитель к умывальнику. Потом спешно пил горячий жидкий чай вприкуску и тушил лампочку. После ее желтого света в комнате синел холодный утренний сумрак. В этом сумраке учитель входил в класс и, завернувшись в тулуп, натягивая его на холодеющие колени, садился за свой стол. Начиналась упорная работа. Сперва он горячился, напрягал все усилия говорить понятнее и сдержаннее, потом только смотрел, как сечет в окна косою дождь и тянутся обозы к заводу; мужики шлепали по грязи, накрывшись рогожами; от потных, потемневших лошадей валил пар. И все представлял учитель самого себя едущим на вокзал в телеге: телега медленно качается, хлюпает по дороге, и заливаются-стонет ветер, гнет в поле одинокую голую березку...

Оживлялся он при говоре и толкотне уходивших учеников.

- Здорово льет? - спрашивал он Павла, засовывая ноги в старые большие калоши.
- Кажись, перестает, - каждый день отвечал на это Павел.
- По морю, яко посуху, - каждый день говорил лавочник, стоя под навесом кабака, и снисходительно смеялся.

Турбин, всегда в этот момент перебиравшийся на другую, менее грязную сторону дороги, махал с ответным смехом рукой и вдруг делал со всех своих длинных ног гигантский, отчаянный шаг. Шлепнув калошей в лужу и видя, что над этим прыжком покатывается со смеху сидящая за шитьем под окном лавочница, он, с кривой улыбкой, неловко пробирался под плетнем дальше.

- Писем, Иван Филимонович, нету? - кричал он издалека лавочнику. - Вы, говорят, на станции были?
- Пишут-с!
- То-то несуразный-то! - говорила лавочница, как бы с сожалением, качая головою и откусывая нитку.

Дьячок Скрябин был самый убогий человек в селе. Унылый, поблекший нос, жидкая коса, слезящиеся глаза, - все в нем напоминало старуху. Тяжело было глядеть, как он весной, в полую воду, или осенью, под дождем, брел к выгону в огромных растрепанных валенках, внутри которых была солома. На клиросе он читал и подпевал разбитым голосом так, словно он был выпивши или бредил. В избе у него, как и у большинства духовных, было довольно чисто и уютно, но толклось семь

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

человек детей. Никто не обращал на них внимания. И сам Скрябин, и жена его только и думали с утра до ночи что об еде. Скрябин ел походя: то лазил в печку за картофелем, то пек яйца, то наливал через полчаса после обеда чашку похлебки, то жевал хлеб. Раза три или четыре в день он возился с самоваром, собирал щепки, раздувал его то губами, то старым голенищем. У жены Скрябина было приветливое, открытое и покорное лицо. Когда в октябре она умерла перед концом беременности, Турбин долго не мог без содрогания видеть ее хибарки.

Чаще всего после обеда он бывал в гостях у священника о. Федора Рокотова. Священник выходил заспанный, с светлыми слезящимися глазами и красными полосами на виске от рубцов подушки. Он улыбался и говорил с благодушным снисхождением к своей слабости:

– А я прилег на минуту, да и задремал, как сурок...

Вечером затевалась игра в преферанс на орехи. Иногда Турбин играл с поповной на двух гитарах «В глубокой теснине Дарьяла», «Раздумье Вольтера» или на мотив малороссийского казачка «Прибежали в избу дети»... Томной меланхолией звучали струны гитар. Священник острил насчет худобы и роста Турбина. И Турбин всегда при этом смеялся, прикрывая, по своей манере, рот рукою.

VI

Деревня тонула в сырых сумерках, зажигались на заводе огни, и тянуло дымом самоваров, а он скользил по липкой грязи, мучился медленным восхождением на гору. Темь, холод, запах угарной печки и одиночество встречали его в безмолвном училище. Но первое время это не смущало его. Первый год в школе прошел как-то удивительно быстро. Турбин мечтал. Молодым скрытным семинаром он мечтал о многом – думал стать миссионером, городским священником. Представлял он себя в губернском городе, о. Николаем в шелковой лиловой рясе, на которую падают выхоленные кудри, даже почему-то в золотых очках, как протоиереи в Вознесенском соборе. Мечтал о жизни с достатком, думал вести хорошее знакомство, быть человеком просвещенным, следящим за наукой, за политикой. Эти мечты погибли. Едучи в школу, он весь был переполнен рвением поскорее начать работать, сразу сделать свою школу образцовой, пописывать статейки по народному образованию, приняться за составление учебников. День за днем тускнели эти мечты. В Можаровке близость завода наводила его на мысль попасть на службу по акцизу, да так, чтобы годиков через пять получать тысячи три, а то и четыре, – бывали примеры.

Но прежде всего необходимо заняться самообразованием, – решал он, – это прежде всего; завести знакомство, почувствовать себя человеком. Вот только дай пройдет эта осень! Съезжу домой, а вернусь – буду ходить к Линтвареву, буду, Бог даст, с живыми, настоящими людьми общаться...

И, волнуясь, он расхаживал по своей комнате. Потом брал выпрошенную еще в семинарии у товарища книжку журнала и принимался за статью: «Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство». Но статья была невеселая. Осилив несколько страниц, Турбин опускал книгу, закрывал глаза и опять отдавался думам... Иногда, поздней ночью, растроганный нежностью к отцу, Турбин писал к нему длинные письма; но наутро они казались ему витиеватыми и невыразительными, и он не посылал их...

Когда обнаружилось, что ехать не на что, вечера изменились. Он стал проводить их в беспокойной тоске и бесплодных придумываниях, как устроить эту поездку. Иногда он решался даже на последнее средство – занять денег. Но тотчас же отказывался от него. «Немыслимо! Долги – гибель!» Проклиная в душе и себя, и темноту, и училище, он шагал к дьячку ужинать. Возвратясь, тотчас же заворачивался в тулуп и ложился в постель. Вся тоска осенних дней охватывала его тогда. Черная ночь глядела в окна. На деревне во мраке зиял огнями завод; огненными искрами роились его высокие трубы; когда тяжелым взмахом налетал ветер, чаще и гуще стрекал косою дождь в стекла окон и еще жалобнее завывало в печке... А на рассвете отдаленными-отдаленными, протяжными стонами доносилась переключка петухов; медленно-медленно пробуждалась после долгой ночи жизнь. Дождь стихал; холодело; ветер гнал в холодном небе белесые космы туч. Над деревней, над голыми полями занимался новый скучный день...

А потом пошли метели, засыпая снегом избы, слепя окна. Побелевшая деревня еще более опустела и затихла – даже собаки забивались в сенцы.

С утра до ночи неслась над ней вьюга и стояли мутные сумерки. В белой пыли тонули и завод и церковь. Ветер по ночам жалобно перезванивал на колокольне...

VII

Часов около шести Павел с громом уронил на пол вьюшку. Чтобы загладить свою неловкость, он закричал и чмокнул губами:

- Ну и студено же на дворе! Вызвездило – страсть!
- А ты плешивых посчитай! – раздался из темноты спокойный голос учителя.
- Ай проснулись!
- Подремал, – отвечал учитель, зевая.

На душе у него было пусто. Он спустил длинные ноги с кровати и соображал, идти или нет к дьячку. Есть хотелось, – надо было идти.

На селе было темно и тихо. Морозило; на черном небе сверкали крупные звезды. Лай собачонки с того боку деревни звонко отдавался в чистом воздухе... Свежесть зимней ночи ободрила Турбина.

- Отцу Алексею – почтение! – сказал он шутливо-громко и с ударением на «о», нагибаясь и входя в избушку дьячка. – С преддверием!

Дьячок чинил хомут, сидя на лавке около коптившей лампочки. Он медленно поднял голову и, приложив большой палец к ноздре, сильно дунул носом в сторону. И опять посмотрел на Турбина сквозь висевшие на кончике носа очки.

- Не на званом ли обеде были? – спросил он, слабо улыбаясь и утирая нос полою.
- На званом, отец Алексей, на званом.

Старшая дочка дьячка, косенькая, миловидная и тихая девочка лет шести, шлепая босыми ножками по полу, собрала на стол. Турбин молча принялся хлебать щи.

- Попробую и я с вами... – сказал дьячок, откладывая хомут в сторону, подошел к лейке над лоханью, плеснул водой на руки и взялся за ложку.

Косенькая девочка молча стояла у печки. Дьячок посмотрел на нее, опустил голову и сказал:

- Еже во плоти Рождество господа нашего Иисуса Христа... Да... воспоминание избавления церкви и державы... А там и отдание праздника, и Новый год... Что-то я забыл, когда восход солнца? Заход знаю, а вот восход? Вы не помните?

Турбин захохотал, откинувшись к стене и закрыв рот рукою.

- А на что он вам, отец Алексей?

Девочка подошла к столу и серьезно стала убирать ложки. Турбин смолк и поскорее выбрался на улицу.

- Эхе-хе-хе-хе! – говорил он, шагая в гору и качая головой.

На полугоре он остановился и глубоко вздохнул свежим воздухом.

«Какой же, собственно, смысл в тоске? – подумал он. – Живут и хуже моего!»

К удивлению его, в училище светился огонь. Не отец ли приехал? Или кто-нибудь из забытых товарищей? Но тогда у крыльца были бы лошади... «Наверно, Слепушкин или Кондрат Семеныч».

VIII

Кондрат Семеныч был сын обедневшего помещика, учился в гимназии, но дотянул

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

только до пятого класса. Этому, впрочем, помогло и то, что на охоте с борзыми он сломал себе ногу. От отца Кондрату Семенычу осталось только тридцать десятин земли, небольшой флигелек на выезде Можаровки, шитье с дворянского мундира, портрет Николая I, два бронзовых шандала и дорожный ларчик красного дерева, из затейливых ящичков которого пахло старинными кислыми духами. Кондрат Семеныч сдал исполу мужикам землю, нанял кучера, записного охотника и пьяницу Ваську, и уже не разлучался с ним.

Кондрат Семеныч был широкоплеч, небольшого роста, особенно тогда, когда оседал на левый бок, на хромую ногу; черные волосы его кудрявились, а загорелое, кирпичного цвета лицо оживлялось маленькими веселыми глазками; нижняя челюсть выдавалась у него, но это придавало ему только добродушное выражение; концы черных усиков на короткой верхней губе лихо завивались кверху.

Душа у Кондрата Семеныча была добрая, открытая. Пил он и в кабаках, и в гостях, и на охоте, лгал, хвастался отчаянно и не скрывал этого: «А я тебе, брат, чертовски брехал вчера», – сплетничал без всякой предвзятой цели – просто под влиянием расположения к другу, а друзьями у него на селе были почти все. Колтыхая по деревенской улице, он так же дружески встречался и с помещиком, как и ставил ногу на втулку колеса к мужику, насыпая из его кисета сигарку махоркой. Носил, как все мелкопоместные, длинные сапоги, шаровары, картуз и поддевку, которая издавала какой-то особенный запах – запах пороха и лошади; как и они, любил хвастнуть своей рыженькой троечкой.

Турбин был у него раза два. Он надеялся через Кондрата Семеныча познакомиться со многими помещиками. Но тот только силился напоить его. К тому же и обстановка у него была не такая, какую думал встретить Турбин: крыльцо перед домом было разрушено; в прихожей пол был как в свиной закуте – так он был унавожен жившими здесь и зиму и лето турманами, которые при входе людей поднимались тучей, с шумом и свистом крыльев, и совсем затемняли свет, проникавший сквозь радужные от времени стекла. В углу залы был насыпан ворох овса; тут же на соломе повизгивали, ползали и тыкались слепыми мордами гончие щенята; большая красивая сука, спавшая возле них, подняла голову с лап и наполнила всю залу музыкальным лаем. Голые стены кабинета были темны от табаку и мух; над турецким диваном висели ногайки, кинжалы и желтые шкурки лисиц. Под окном, на письменном столе, кучей была насыпана махорка, стояла коробочка колесной мази, лежала шлея; из-под стола зеленела четверть водки. Турбин чувствовал себя неприятно. Не нравилось ему и то, что Кондрат Семеныч говорил ему «ты» и называл его циркулем.

Слепушкин служил на заводе подкурщиком; лицо у него было толстое, обрюзглое и темное, как у заправского алкоголика, голос тяжелый, фигура медведя. Пил Слепушкин водку, смешанную с пивом: такой состав назывался «ершом», по трудности проглотить его сразу. В гостях у Турбина он засиживался до трех часов ночи и часто просил писать к лавочнику записки, чтобы тот прислал «дюжинку».

– Не понимаю, – говорил он сонно, облокотясь на стол и глядя на учителя свинцовыми глазами, – не понимаю этих нежностей: ведь мне он не поверит... а я, надеюсь, в состоянии заплатить вам этот несчастный целковый.

– Само собой, – говорил Турбин, расхаживая по комнате, – я не сомневаюсь, но право же...

– Само собой, само собой! – дразнил Слепушкин.

– Пусть будет так... – начинал Турбин, – но главная вещь...

Тогда Слепушкин подымался.

– А уж этого «пусть будет так» я совсем не выношу! – говорил он с искренним презрением. – Вероятно, мы теперь не скоро увидимся.

IX

С неудовольствием вспоминая все это, Турбин подошел к училищу и заглянул в окно.

Кондрат Семеныч лежал на кровати. Таубкин, выгнув сутулую спину и запустив руки в карманы модных узких брюк, сверкал очками. Слепушкин сосредоточенно играл на гитаре, опустив голову и покачиваясь. Ему вторил на гармонике один из

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
подвальных, Митька Лызлов, белокрысы и безусый. Он играл и с блаженной усмешкой тянул фальцетом:

А всем барышням-модисткам
По поклоннику по низком!
Но кто-то был еще, какой-то благообразный господин с лысиной во всю голову, с длинными черными баками. Осторожно Турбин пробрался к противоположному окну, и даже руки у него похолодели: это был Прохор Матвейч, линтваревский лакей.

«Значит, Линтварев приехал, – думал Турбин. – Но какова это будет штука, если я пойду к нему, буду сидеть в зале – и вдруг входит Прохор Матвеевич?»

Стук двери и голоса послышались на крыльце. Турбин прижался за угол. По снегу заскрипели шаги, Лызлов звонко заиграл на гармонике. Турбин осторожно пробрался в школу. Дверь на крыльцо осталась открытой; в комнате пахло табаком и свежестью морозного воздуха. Турбин поморщился. Но вдруг взгляд его упал на стол: конверт из плотной бумаги! Турбин смешался, покраснел, неловко рванул его...

«Многоуважаемый Николай Нилыч, – стояло в письме, – простите за поздний ответ. В тот приезд, как получил ваше письмо, я не успел ответить, а теперь хотелось бы поговорить с вами лично по поводу вашей просьбы, почему надеюсь, что вы не откажете мне в удовольствии видеть вас у себя на второй день праздника вечером. Преданный вам Линтварев».

Это был ответ на просьбу Турбина помочь школе учебниками. Но теперь Турбину было не до учебников; он ходил по комнате и бормотал с сияющим лицом:

– Преданный! Гм... Вот, ей-богу, чудак!..

И внутри у него все дрожало от радости.

Х

К утру сочельника комната его сильно настудилась. Вода в умывальнике замерзла. Стекла окон были сверху донизу запушены инеем и зарисованы серебряными пальмовыми листьями, узорчатыми папоротниками. Турбин спал крепко, а проснулся с ощущением какой-то хорошей цели. Он вскочил и отдернул примерзшую форточку. Резкий скрип саней стоял над всем выгоном: из-под горы тянулся длинный обоз, весь завейанный ночной поземкой; морды лошадей были в кудрявом инее. Все тонуло в ярких, но удивительно нежных и чистых красках северного утра. Выгоны, лозины, избы – все казалось снеговыми изваяниями. И на всем уже сиял огнистый блеск восходящего солнца. Турбин заглянул из форточки влево и увидел его за церковью во всем ослепительном великолепии, в морозном кольце с двумя другими, отраженными солнцами.

– Поразительно! – воскликнул он и, торопливо захлопнув форточку, юркнул под одеяло.

– Уши! – сказал он громко и засмеялся, вспомнив, что мужики называют эти отражения солнца «ушами».

Передняя, куда он вышел умываться, вся была озарена солнцем. Он долго и особенно тщательно мылся, потом заглянул в классную: и там было теперь весело от солнца и тишины предпраздничного утра. «Не шуми ты, рожь...» – затыкнул он во все горло... Голос гулко отдался в пустой комнате, и это напомнило ему его одиночество. Он замолк и пошел в переднюю пить чай на окне, при солнце. Сообразивши, что идти к обедне уже поздно, он даже обрадовался. Его тянуло обдумать, получше обдумать что-то. Но, подавляя внутреннюю торопливость, он убрал чашки и самовар, надел новое пальто и медленно вышел.

Щурясь от ослепительного сверканья на парче снега, от блестящих, отшлифованных, как слонобая кость, ухабов дороги, глубоко дыша холодным воздухом, он шел и все любовался деревней, синими резкими тенями около строений и горизонтом зеленоватого неба над далеким лесочком в снежном поле: туда, к горизонту, небо было особенно нежно и ясно. Иней приятно садился на веки, пар шел от дыханья, солнце пригревало щеку... Хорошо бы теперь откинуться в задок барских саней, полузакрыть глаза и только покачиваться, слушая, как заливаются колокольчик над тройкой, запряженной впротыжку!

«Ну, так как же? Иду, значит? Или нет – не стоит?» – думал Турбин, шагая.

В душе он еще вчера решил, что пойдет. «Да, так лучше, – говорил он себе, – пойду на третий день, утром, по делу, ненадолго. Немыслимо сразу в гости прийти... Это он для приличия... Поговорю и уйду. А там, на Новый год, примерно, уж и вечером можно».

Незаметно он уходил все дальше и, говоря одно, повторял в то же время другое: «Ну, так как же?...» Представив себе все неприятности этого посещения, он тотчас же начинал разубеждать себя в этом, говорил, что «глупо рисовать все в дурном смысле», что он не хуже других... В конце концов, эта путаница мысли испортила ему настроение, утомила, стала мучить. Он поспешно пошел обедать.

Вернувшись и увидя свою бедную комнатку вымытой и прибранной к празднику, он почувствовал себя совсем одиноким и стал думать спокойнее и серьезнее.

XI

Наступил праздник.

Турбин чувствовал себя как-то особенно, как привык чувствовать себя с детства в большие праздники, чинно стоял в церкви, чинно разговлялся у батюшки. Дома, не зная, за что приняться, он бесцельно походил по классу, заглянул в окно... В безлюдье села чувствовалось: все дождалось чего-то, оделись получше и не знают, что делать. С утра было серо и ветрено. После полудня воздух прояснился, облачное небо посинело, бледно-желтым пятном обозначилось солнце, снег стал ярче и желтее, поземка струйками закурилась на гребнях сугробов, подхватываясь и развеиваясь белой пылью, криво понесли по ветру галки. Проезжий мужик повязал уши платком, стал на колени и погнал лошадь. Розвальни бежали, разрывая переносы сухого снега на обмерзлой дороге, постукивая и раскатываясь...

Скука с новой силой охватила Турбина.

Но вечером, когда он пошел на заводскую сторону, он неожиданно столкнулся с Линтваревым и совершенно потерялся от смущения.

– С праздником! – сказал он не то галантно, не то в шутку, неестественно изгибаясь.

Линтварев был среднего роста, с простым приятным лицом, с русою бородкой и ласковыми глазами. На нем был полушубок и валенки, на голове – барашковая шапка.

– Ах, Николай Нилыч! – сказал он, встрепенувшись, как будто даже заискивающе. – Здравствуйте, здравствуйте!.. Благодарю вас... Ну, что, как вы, – не соскучились?

– Пока еще нет, – ответил Турбин, краснея и силясь вложить в каждое слово не то что-то особенное, не то ироническое.

– Да, да...

Постояли, помялись.

– Ну, так увидимся? До завтра?

Турбин опять не то галантно, не то комически раскланялся.

Домой он шел очень быстро. Как быть, где взять крахмальную рубашку? В вышитой положительно невозможно!

XII

Вечером он долго, с великим трудом зашивал задник сапога нитками и замазывал их чернилами.

Все утро он ходил по комнатам в одном белье, умывался, несколько раз принимался чистить сапоги, пачкал и опять мыл руки и все думал о рубашке.

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

– Ничего не придумаешь! – говорил он, останавливаясь среди комнаты. – Послать к Слепушкину? Немыслимо! Начнут судить, рядить... дойдет до Линтварева... Гадость!

Но нечто подобное случилось.

Около полудня к крыльцу школы подлетела тройка Кондрата Семеныча. С мороза его лицо было особенно свежо и темно-красно. Подбородок был выбрит, усы чернели ярко и лихо. На нем была сюртучная пара; в передней он сбросил енотовую шубу. Коренастый, приземистый, – об дорогу не расшибешь, что называется, – бойко прихрамывая, он быстро вошел к Турбину, крепко поцеловался с ним, причем на Турбина пахло морозной свежестью и запахом закуски, и тотчас принял живейшее участие в заботах о его наряде.

– Валяй, брат, валяй смелей!

Турбин, хотя и относился к Кондрату Семенычу как к человеку пустому, однако знал, что Кондрат Семеныч «бывал в обществе» и может подать совет.

– Как валять-то? – говорил он, сдерживая улыбку. – Тут такая неприятная история! Рубашки крахмальной нет!

Кондрат Семеныч качнул головой.

– Это, брат, скверно. В вышитой явиться в первый раз в дом – нахальство!

– Ну, так как же? – говорил Турбин растерянно.

– Ни черта, – сказал Кондрат Семеныч. – Не робей!

И, отворив форточку, он своим хриплым охотничьим голосом гаркнул:

– Васька! Домой валяй! Духом доставь рубашку крахмальную... в сундуке, под летней поддевкой...

Пока Василий ездил за рубашкой, Кондрат Семеныч рассказал, где он успел уже побывать, и с улыбкой сатира, от которой заблестели его маленькие карие глаза, вытащил из рукава шубы бутылку водки.

– Хвати для храбрости! Хочешь? – говорил он, обивая сургуч с горлышка.

– Ну уж нет!

– Что, думаешь, пахнуть будет? Ни капельки. Только чаем заужуй. А впрочем, черт с тобой. Нет ли чашечки?

Выпив и закусив кренделем, Кондрат Семеныч заговорил серьезно:

– Ты, брат, себя поразвязней держи, посвободнее. А то ведь будешь сидеть, как кнут проглотил.

– А как брюки – ничего? – спрашивал Турбин.

Кондрат Семеныч оглядел их с полной добросовестностью и подумал.

– Сойдет! – сказал он решительно, – за милую душу сойдет. Только вот смяты немного. Снимай, давай разгладим.

– Нет, нет, пустяки, – пробормотал Турбин, густо краснея.

– Ну, как знаешь.

Кондрат Семеныч лег на постель и вполголоса запел:

Вода – для рыбы, раков,
А мы, герои, водку пьем!

В это время Васька внес рубашку. Но едва Турбин надел ее, Кондрат Семеныч так и покатился со смеху.

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

– Нет... Не срамись! – хрипел он, задирая ее на голову Турбина, – не годится!

Правда, рубашка не годилась. Накрахмалена она была отвратительно – вся была грязно-синяя, ворот ее был непомерно широк.

– Декольте! – повторил Кондрат Семеныч сквозь смех.

Турбин снова покраснел и даже запотел от злобы.

– Я вам не шут гороховый! – крикнул он бешено.

– Да за что ж серчаешь-то? – заговорил Кондрат Семеныч растерянно. – Сам тонок, как шест, хоть грачей доставать, а на меня серчает... Ну, хочешь, достану?

– Не понимаю – где? – глядя в сторону, пробормотал Турбин.

– Да уж это мое дело. Ну, хочешь?

И, не дожидаясь ответа, хлопнул дверью, накинул на себя шубу и выскочил на крыльцо. Рыженькая троечка подхватила под гору. Турбин бросился к дверям:

– Кондрат Семеныч! Кондрат Семеныч!

Но Кондрат Семеныч только рукой махнул.

– Это бог знает что такое! – сказал Турбин, чуть не плача. – Это значит, всему заводу будет известно!..

Однако, когда Кондрат Семеныч через десять минут явился обратно и привез с собой Таубкина и его крахмальную рубашку, когда Таубкин самым задушевным тоном стал просить «не беспокоиться» и когда рубашка оказалась как раз впору, Турбин, весь красный от волнения, начал улыбаться.

– Что вы беспокоитесь? – говорил Таубкин фальцетом. – Что такое? Разве я не понимаю? Конечно, это останется между нами. Хотите мои часы?

Турбин отказывался. Кондрат Семеныч преувеличенно расхваливал его костюм.

Наконец Турбин был готов. Он повеселел, хотя и чувствовал себя наряженным и точно связанным. Он садился то на один, то на другой стул.

– Вы к нему по делу? – вдруг спросил Таубкин, как будто вскользь.

– Да, то есть так... по делу отчасти.

– Так вам, пожалуй, пора.

Турбин уже давно думал про это. «Пожалуй, что и правда пора, – соображал он, – что же, к шапочному разбору-то прийти? Только хозяев в неловкое положение поставишь...»

– А который час?

– Четверть восьмого.

– Вали, брат, вали, – сказал Кондрат Семеныч.

– Пожалуй, – согласился Турбин, медленно подымаясь.

Напевая, Кондрат Семеныч накинул на себя шубу, осмотрел пальто Турбина.

– Молодец! – сказал он, смеясь глазами. – Хочешь, подвезу?

Турбин заторопился отказаться.

– Ну, черт с тобой! Едем.

Он сунулся лицом к лицу Турбина для поцелуя, ввалился в сани рядом с Таубкиным и

крикнул:

– Обрати посерьезнее внимание на Линтвариху! Хороша, анафема!

XIII

Уже подходя к аллее перед линтваревским домом, Турбин вдруг оробел, оглянулся и поспешно зашагал опять под гору. «Рано, рано, немыслимо так рано!..»

Волнуясь, он дошел до моста и опять оглянулся. Вот будет скверно, если видели, что он приходил! Но никого не было кругом. Только на деревне горланили на «улице» девки. Из дома через аллею загадочно светились окна. Что там, в доме? Начался вечер или нет? И кто там, и что делают? А обстановка? «Небось люстры, паркет, бархат, фамильные портреты... Вот отсчитаю сто... нет, двести и тогда пойду».

Вдруг на мосту послышался скрип шагов. Турбин быстро повернулся и, не оглядываясь, почти побежал по аллее. Не думая, он быстро растворил дверь, шагнул через три ступеньки в сенях и стал шарить по притолоке звонка. В дверях щелкнул замок, и нарядная горничная появилась на пороге.

– Павел Андреевич дома?

– Пожалуйте-с.

Горничная помогла ему снять пальто. Как в тумане, увидел он большую светлую залу, открытый блестящий рояль, тонкие стулья, тропические растения... Поразили его только ширмочки около них из матового стекла; все остальное показалось ему чересчур просто. Цапаясь когтями по паркету, из столовой выбежала щеголевато-тонкая черная собачка, а за нею быстро вышел Линтварев.

– Имею честь поздравить! – сказал Турбин и в смущении вынул носовой платок.

Предупредительно-ласково Линтварев пожал ему руку.

– Милости просим, милости просим!

И, пропуская Турбина вперед, повел его в столовую.

– А, Николай Нилыч! – сказала Надежда Константиновна так, словно давно ждала его.

Турбин расшаркался, оглянулся.

– Николай Нилыч Турбин... Господин Турбин... – поспешно говорил хозяин.

Молодой, свежий, красивый флотский офицер встал быстро и поклонился с преувеличенной вежливостью. Невысокий, худощаво-широкоплечий, с обветренным, инородческого типа лицом доктор пожал ему руку просто и без улыбки. Пожилой, солидный господин, не вставая, сдержанно-вежливо наклонил голову.

– Присаживайтесь-ка! – сказала хозяйка опять так, словно хотела сказать: «Ну, наконец-то, вот теперь все пойдет прекрасно».

Турбин сел, вытер платком лоб, все еще глядя словно через воду. То, что один из гостей не подал ему руки, заставило его ощутить почти физическую боль в сердце.

– Николай Нилыч, вам сколько кусков сахара? – обратилась к нему хозяйка с улыбкой.

Турбин встrepенулcя.

– я бы попросил без сахара, – сказал он.

И он взял стакан, замирая от страха повалить его на скатерть или прикоснуться руками к рукам Надежды Константиновны. Так как общий разговор на минуту прервался, то она продолжала:

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

– Ну что, как ваша школа?

– Ничего, прекрасно, – ответил Турбин, и его голос ему показался чужим и слишком громким.

– А в Можаровке вы на все Святки остались? – заботливо прибавил хозяин.

– Да, уж нынешний год, думаю... решил так, что не ездить лучше.

– да?

Линтварев наклонил голову, словно приятно изумился. Затем торопливо, с виноватой улыбкой – по необходимости, мол, – обернулся к соседу.

Стараясь держаться свободнее, Турбин стал осматриваться.

XIV

Тот, что не подал руки Турбину, Беклемишев, был богатый помещик и видный человек в земстве. Он был плотен, родовит, с матовым цветом молодежавого лица, сед. Держался с удивительным хладнокровием. И Турбин старался не глядеть на него.

Земский доктор держался строго, но просто, и его черемисское лицо и взгляды сквозь очки между быстрыми глотками чая не пугали. Родственницы хозяйки, княжны Трипольские, часто вставляли свои замечания в рассказ Беклемишева о его поездке к министру Ермолову ленивым тоном, гримасничая, когда улыбались. Их Турбин уже видел несколько раз осенью, когда они амазонками проезжали по селу кататься. И у священника и у лавочника велись тогда бесконечные разговоры о них. От старого повара все знали, что княжны очень богаты, живут то в Петербурге, то в своем имении, то гостят у Линтварева, а больше всего – за границей.

– Что ж им? Катайся в свое удовольствие, да и только! – говорил лавочник с умилением.

Когда о Турбине забыли, он успокоился и только чувствовал себя как-то странно-хорошо в этой новой обстановке, среди легко развивающегося разговора, сидя около хозяйки, похожей на английскую леди: таких изящных черт лица, такой чистоты и нежности кожи он еще никогда не видывал. А когда он вставал, так было легко и приятно отодвигать тонкий красивый стул, ходить по паркету в этой просторной столовой, ярко озаренной большой лампой над столом, видеть блеск серебряного самовара и посуды из тончайшего стекла. Было, правда, одно очень неприятное обстоятельство: во время рассказа Беклемишева Турбин, не зная, что делать, наклонился и поймал собачку; но та, как стальная, выскочила из рук и при этом так пронзительно взвизгнула, что хозяйка схватилась за висок и все встrepенулись, обратили на него глаза, и Турбин готов был провалиться сквозь землю от смущения. Но сама же хозяйка и сумела замять эту историю: так непринужденно, словно ничего и не было, обратилась к нему: «Николай Нилыч, вы позволите еще чаю?» – что он ободрился и смог очень ловко ответить: «Нет, мерсі... достаточно уже».

Он выпил два стакана, наслаждаясь ароматом рома, который с тихой лаской подливал ему в чай хозяин, и от рому оживился, почувствовал смелость и верную упругость в ногах. Он даже не смутился, когда приехало еще несколько человек гостей: красивая, полная вдова-помещица, завитая, с горящими от мороза ушками, старик-помещик, который немножко рисовался простотой, но которого все любили за эту простоту и тотчас окружили с веселыми улыбками, еврей-инженер, сухой, черненький, подвижной, вроде той собачки, которую поймал Турбин, и наконец член суда, такой чистый, как все судейские, свободный и веселый остряк, делавший умные, насмешливые глаза.

Говорили о театре. Трипольские с восторгом рассказывали об игре Заньковецкой в Петербурге, бранили Мазини, хвалили Фигнера... рассказывали про своих знакомых, про поэта Надсона. Как будто желая описать, какой он милый и больной человек, княжны рассказывали, что он у них был в гостях, а потом они его навестили в Ницце. Член суда декламировал пародии Буренина на надсоновские стихи. Потом разговор разбился – в одном месте слышались имена земцев, в другом все еще Мазини и Фигнера. Учитель, изгибаясь и покачиваясь, подходил то к одной, то к другой группе и все время был в напряженном состоянии от желания хоть что-нибудь

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

сказать. Но весь разговор шел о неизвестном, и он молчал или смеялся сдержанно и неискренно, когда смеялись другие.

– А вы все о своем профессиональном образовании? – сказал он наконец, подходя к Линтвареву и Беклемишеву.

Беклемишев тихо поднял на него глаза.

– Нет, почему же... – сказал Линтварев, улыбаясь. Турбин, тоже улыбаясь, продолжал:

– Вы хотите, как я слышал, так серьезно им заняться?

От неловкости Турбин подчеркивал слова, и их можно было принять за насмешку. Особенно нехорошо ему было от пристального и спокойного взгляда Беклемишева. Но все-таки он присел к столу, предварительно посмотрев на стул и раздвинув полы сюртука, расставил острыми углами свои тонкие ноги и, поставив локоть на колено, стал пощипывать кончики своих жидких белесых усов.

– Меня, по правде сказать, очень интересует этот вопрос, – сказал он, помолчав, как-то внезапно. – Я, конечно, говорю искренне...

– С какой же именно стороны вас интересует? – спросил Беклемишев.

– То есть как с какой стороны? Вообще... в применении его в жизни.

Беклемишев, поставив руки на стол и соединяя ладони, смотрел, ровно ли приходятся пальцы один к другому. Линтварев старательно набивал машинкой папиросы.

– Я читал, – продолжал Турбин уже с усилием, – недавно в одной газетке про книжицу какого-то Весселя о профессиональном образовании... Меня, собственно, удивило, что к его мыслям, очевидно, многие относятся враждебно: например, директор ремесленного училища цесаревича Николая... Мне кажется, что тут есть несправедливость... Он говорит, например, что школа, собственно, несовместима с мастерской...

– То есть это, – мягко перебил Линтварев, – Песталоцци мнение, а Вессель, хотя и...

– Ну да, и Песталоцци, – перебил в свою очередь Турбин, и в нем уже загорелось желание спора. – Только, по моему мнению, это и понятно... Когда мне, позвольте спросить, обучать своего какого-либо мальчика мастерить разные безделушки, когда он сам, в своем быту, так сказать...

– Зачем же непременно безделушки?

Турбин развел руками.

– Мне, собственно, это все представляется как бы игрушками... Мне трудно это объяснить, но все эти затеи... Говорят, подспорье хозяйству... но ведь смешно подпирать то, что разваливается окончательно... да и не соответствует все это духу нашего народа, истого земледельца... А учить его, например, делать плетушки...

– Ну да, ученого учить – только портить, – насмешливо сказал Беклемишев.

Турбин хотел продолжать, сказать, что он думает, более ясно и связно. Но Беклемишев, как бы забыв о его присутствии, тихо и спокойно промолвил Линтвареву:

– Да, так я думаю, что это еще гадательно: князь слишком глуп для этого, а Гарницкий – юн.

Линтварев виновато посмотрел на Турбина. Турбин смолк. Теперь ему хотелось одного – поскорее уйти из столовой. Но встать сразу было неловко.

– А я все хотел попросить у вас какой-либо книжицы из вашей библиотеки, – сказал он наконец, подымаясь.

– С величайшим удовольствием, – поспешил ответить Линтварев.

Турбин встал и медленно прошелся по столовой. Он долго стоял перед камином, рассматривал большой портрет Толстого, писанный масляными красками. Но ему уже было не по себе. Музыка в зале ударила ему по сердцу как-то болезненно. И, под предлогом, что он идет слушать, он вышел в залу.

XV

Играл член суда.

– Что это? – спросил сидевший около него старик-помещик, обращаясь к хозяйке.

– Соната Грига. Вы не знаете?

– Десять лет не играл, – сказал помещик со вздохом, – а хорошо!

– Чудо! – подтвердила хозяйка.

Музыка Грига решительно не нравилась Турбину. Звуки лились вычурно, быстро и не трогали его сердца. Он чувствовал, что она так же чужда ему, как все общество, окружавшее его. В начале вечера он все ждал, что будет что-то хорошее. Теперь это чувство ослабело. Он думал, что надо идти домой, что никому он не нужен. Никто даже не поинтересовался им, не поговорил, чтобы узнать, что он за человек. Даже хозяин только предупредительно, беспокойно вежлив с ним...

Музыка смолкла. «Посижу еще, послушаю немного и уйду», – решил Турбин. Но поднялся разговор о Григе. Старик-помещик добродушно-насмешливо покачивал головой. «Хорошо, а не забираючивает», – говорил он. Член суда горячился, доказывая, что «Григ великолепен».

И, покачивая голову, тихо начал «Белые ночи» Чайковского:

Какая ночь! На всем какая нега!

Турбин не знал ни этих слов, ни Чайковского; но при первых же чистых звуках мелодии у него дрогнуло сердце: что-то нежно-призывающее было в них; а когда эти зовущие звуки определились в томительно-грустные, Турбину захотелось плакать.

Но рояль стих. Турбин встал: ему хотелось еще музыки, но он не знал, что назвать. Он подумал о «Молитве девы»... но это было как-то неловко сказать.

– Будьте добры, сыграйте еще что-нибудь, – обратил ся он к члену суда.

– Что же? – спросил тот, перебирая ноты.

– Что-нибудь Бетховена.

Член суда посмотрел на него внимательно.

– Сонату? – спросил он. Турбин в смущении качнул станом.

– Да, сонату...

– Какую же?

– Все равно... – пробормотал Турбин, чувствуя, что над ним смеются.

Но тут позвали к столу. Турбин настроил себя чинно и шел медленнее всех.

Хозяин особенно хвалил и предлагал селедку. Член суда, с видом знатока, попробовал ее и нашел «гениальной».

– Николай Нилыч! Водки? – сказал хозяин.

– Можно! – ответил Турбин.

– Хинной или простой?

- Хинной так хинной.
- Так будьте добры – распоряжайтесь сами.
- Не беспокойтесь, не беспокойтесь, пожалуйста!

Около стола теснились, оживленно переговаривались.

С тарелкою в руках Турбин долго стоял в конце всех. Он не обедал и с особенным удовольствием выпил рюмку водки, погнался вилкой за ускользающим грибок и ограничился на первое время пирогом. После первой же рюмки он почувствовал легкий хмель, очень захотел есть и долго, поглядывая искоса и стараясь не торопиться, ел одних омаров. Член суда уже дружески предлагал ему выпить с ним, и Турбин выпил еще рюмку простой водки. И водка и дружеский тон члена суда совсем размягчили его.

Первые минуты опьянения он чувствовал себя так же, как в самом начале вечера: как сквозь воду видел блеск огней и посуды, лица гостей, слышал говор и смех, чувствовал, что теряет способность управлять своими словами и движениями, хотя сознавал еще все ясно. Раскрасневшееся, потное лицо затягивало паутиной; в голове слегка шумело. Но все-таки он старался оглядываться смело и весело своими томными глазами. Ему было жарко. Когда же Линтварев (Турбину казалось, что и Линтварев запьянел) взял его под руку и повел к столу ужинать, он почувствовал себя очень большим и неловким.

- Не выпьем ли еще по единой? – сказал член суда.
- Блаженный Теодорит велит повторить, – отвечал Турбин со смехом.
- *Repetitio est mater studiorum* [1]. Не так ли? – промолвил с другого конца флотский офицер, явно подделяваясь под семинарскую речь.

Турбин понял это и вызывающе поглядел на офицера. «Ну, и черт с тобой!» – подумал он и, усмехаясь, крикнул:

- *Optime!* [2]

Член суда поспешил налить. Хозяйка как будто вскользь, но значительно поглядела на него. И это Турбин заметил, но никак не мог обидеться: так просто и тепло стало у него на душе.

- Да и последняя! – сказал он, выпивая и махая рукой. – Я и так мокрый, как мышь.

Удерживаясь от смеха, младшая княжна зажала рот платком.

Ужин, как показалось, прошел чрезвычайно быстро. Турбин запомнил только, что ел горячий ростбиф, что сои огнем охватили ему рот, что он пил мадеру, лафит и плохо соображал, о чем идет говор.

Когда подали шампанское (был день рождения хозяйки), Турбин быстро встал и оглушительно крикнул «ура!». Но за оживлением на это не обратили особенного внимания. Все столпились в кучу, поздравляя хозяйку и самого Линтварева. Линтварев, с бокалом в одной руке, прижимал другую к сердцу и старался казаться и тронутым и шутливым.

- Ура! – крикнул еще раз Турбин, но уже потише и улыбнулся слабой, жалкой улыбкой.
- Не стоит! – шепнул доктор, сжимая ему локоть.
- Ну, не надо...

И, улыбаясь, Турбин медленно пошел в залу. Теперь он уже освоился с тем, что не может управлять собою.

В зале Прохор Матвеич разносил чай, снова предложенный хозяином. «Люблю, грешный человек! – говорил он. – Господа, кто желает китайского зелья?» Все приняли это предложение с шумными одобрениями, как на земских собраниях: «Просим, просим!..»

– Сергей Львович, сыграть просим! – крикнул хозяин.

– Благодарю, господа, я чувствую себя слишком утомленным, – отнекивался Сергей Львович, продолжая пародировать гласных. Но тут поднялся такой шум и крик, что отказываться стало невозможно.

– Просим! – крикнул Турбин уже после всех.

– Давненько я не брал в руки шашек, – говорил Сергей Львович, кряхтя и усаживаясь за рояль.

– Сергей Львович! Вебера! – крикнул член суда. Сергей Львович поднял брови и подумал.

– Нет, – сказал он с улыбкой, – попробуем блеснуть техникой. Ну-ка...

– Тарантелла... – шепнул флотский офицер. – Николая Рубинштейна.

Член суда утвердительно кивнул головой.

Из медленных, в которых сказывалась хитрая, сдержанная удаль, звуки быстро превратились в шумные, быстрые и затрепетали в каком-то диком восторге. Возгласы одобрения поминутно заглушали их. Казалось, что, если бы танец не кончился, можно было бы задохнуться от напряжения... Турбин хохотал нервным смехом.

– Вот это так так, – бормотал он в восторге.

– А теперь, – крикнул Линтварев, – гротеск!

Под церемонные звуки старинной музыки дамы во главе с хозяином и членом суда начали комически двигаться, раскланиваясь, но спутались, перемешались и со смехом остановились.

– Ну, лянсье! – взывал хозяин.

– Не выйдет!

– Выйдет!

Турбин тоже порывался танцевать и быстро оглядывался кругом.

– Сергей Львович! – вдруг завопил он. – Пожалуйста!.. ту, веселую...

– Тарантеллу?

– Да, да!

Сергей Львович мельком взглянул на него и ударил по клавишам. И не успели опомниться гости и хозяин, как произошло нечто дикое: не слушая музыки, без всякого такта, Турбин вдруг зашаркал ногами, потом все быстрее, быстрее пошел мелкой дробью и вдруг стукнул в паркет, подпрыгнул и пустил руки между ногами, словно разрубил что-то со всего размаха.

– Bravo! – крикнул кто-то насмешливо. – Бис!

И под разрастающиеся звуки Турбин охотно побежал назад, заплетая и размахивая ногами как веслами, хотел еще раз стукнуть в пол – и вдруг замер: в двух шагах от него стоял отец Линтварева! Шаркая и подаваясь вперед, он поторопился из маленькой гостиной, где играл в карты, на шум в зале. Увидев пляску, он с изумлением поднял свою седую большую голову и, приложив к переносице пенсне, глядел прямо в лицо Турбину остановившимися глазами.

Турбин качнулся в сторону и с жалкой улыбкой махнул рукой. Доктор быстро подошел

к нему.

– Пойдемте, батенька, домой, – сказал он ему строго.

– Нет, чего же? – ответил Турбин. – Я еще не хочу.

Лицо его было бледно, холодный пот крупными каплями покрывал лоб.

– Нельзя, нельзя, – повторил доктор еще строже и, взяв его под руку, повел в переднюю.

Турбин, приплясывая, покорно пошел...

XVII

Спал или не спал он, добравшись домой? До головокружения живы и беспокойны были сновидения. Казалось, что он все еще в гостях: люди двигались, перетасовывались, проходили перед ним как в пантомиме, и он сам во всем участвовал и чувствовал, что все выходит хорошо и ловко, хотя и беспокоит что-то, спутывает все. Турбин старался вспомнить, что же это мешает, и никак не мог, и мучился, осаждаемый сновидениями. Истомленный до последней степени, он наконец открыл глаза. Дневной свет сразу отрезвил его, – стыд, жгучий стыд до слез, до физической боли пронзил его душу. Он стиснул зубы, крепко прижал голову к подушке.

Вдруг он вскочил. Он решился переломить себя, задавить все эти воспоминания. Он поспешно одевался, убирал комнату. В ногах была слабость, но голова не болела. Он старался делать все как можно правильнее и серьезнее. И в то же время беспокойно выискивал оправдания себе...

Отворилась дверь.

– Самовар-то ставить, что ль? – спросил Павел.

– А почему же не ставить? – хрипло крикнул Турбин.

– Да то-то, мол, надо ли?

Турбин отвернулся и еще крепче стиснул зубы. Павел помолчал, потом вдруг лукаво заглянул Турбину в глаза и, с просиявшим лицом, быстрым шепотом спросил:

– Ай слетать к Ивану Филимонычу?

– Это зачем?

– За похмелочкой? А?

– Убирайся ты от меня к шуту со своими бессмысленными глупостями! – закричал Турбин, багровея от злобы.

После чая он лежал на кровати и с глухой яростью придумывал самые оскорбительные фразы, которые, вероятно, посыпались по его адресу, как только он вышел, в доме Линтварева. А на селе! С какими глазами показаться теперь на село?

Однако он заставил себя одеться и пошел к дьячку обедать. «Знают или нет?» – думал он, боязливо глядя на заводскую сторону.

Около лавки он постарался идти как можно медленнее.

– С праздником, Иван Филимоныч! – сказал он, увидя лавочника, стоявшего около саней с ящиком водки.

Лавочник считал бутылки, передавая их в лавку мальчику, и ответил учтиво и поспешно:

– И вас также! Милости просим.

– Постараюсь.

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

– Николай Нилыч теперь загордел, – вдруг раздался голос лавочницы с крыльца.

Она смотрела на Турбина насмешливо-пристально. Лавочник вдруг обернулся к ней с строгим взглядом, и по одному этому взгляду Турбин понял, что все известно, все... и с замирающим сердцем поспешил скрыться в избе дьячка.

Обед прошел спокойно. Но, когда Турбин уже поднялся из-за стола, дьячок, глядя в сторону, сказал так, словно продолжал давно начатый разговор:

– И совсем не стоило туда ходить. И бабушка то же говорит, и Иван Филимоныч.

Турбина словно ударили по голове.

– Куда это? – через силу спросил он.

– Если, гырт, – продолжал дьячок уныло-невозмутимым тоном, – если, гырт, съесть-спить, так и у меня был бы сыт, не попрекнул бы куском... Да и правда: не нам с вами бывать у таких персон!

– Ну, да я... я, отец Алексей, кажется, сам не маленький...

Дьячок только вздохнул. Дрожащими руками Турбин нашел скобку и хлопнул дверью.

– И прекрасно! И прекрасно! – с злобной радостью похохатывал он, почти бегом взбираясь на гору.

XVIII

– Дома? – раздался в передней голос Слепушкина, как только Турбин вошел к себе и, скинув пальто, упал на постель.

Павел отвечал что-то торопливым шепотом.

– Ну, ну, не надо; не буди... бог с ним.

Дверь хлопнула, все стихло. Турбин лежал без движения...

– Поздравляю! – раздался вдруг крик Кондрата Семеныча, со смехом ввалившегося в комнату. – Ты, говорят, черт знает каких штук там натворил? Какой это ты танец своего изобретения плясал?

– Оставьте, пожалуйста, меня в покое! – тихо ответил Турбин.

– Да нет, как же, брат, ты, говорят, вдребезги насадился?

Ухмыляясь, Кондрат Семеныч присел на кровать и продолжал уже с искренним участием, обращаясь к Турбину, как к заведомому пьянице:

– Гм, пожалуй, правда, свинство! Ты бы хоть на первый-то раз поддержался немного... Надо сходить извиниться. Еще, пожалуй, с места попрут...

А через полчаса на столе стояла бутылка водки. Турбин, уже захмелевший, облокотившись на стол и положив голову на руки, сидел молча.

– Черт знает что! – говорил Кондрат Семеныч, – говорят, тебя за крыльцо выкинули?

– Кто это?

– Что?

– Говорит-то?

– Слепушкин.

Турбин злорадно захохотал.

А Кондрат Семеныч с серьезным лицом грустно продолжал:

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

– Он, брат, Линтварев–то этот, глумился над тобой. Оплевать, воспользоваться твоей необразованностью! Подло, брат! Мне тебя от души жаль.

Турбин вдруг сморщился, захлюпал, хотел что-то сказать, но захлебнулся слезами и только зубами скрипнул.

– Ну, вот, опять готов! – сказал Кондрат Семеныч с сожалением. – Тебе, брат, стоит бросить пить.

– Да не пьян я! – закричал Турбин бешено, с красными, полными слез глазами, и треснул кулаком по столу.

ХІХ

– Э-эй, держись! – крикнул Васька, когда рыженькая троечка что есть духу разнеслась в темноте под гору и толпа ребят и девок, как стадо овец, шарахнулась в сторону.

Взрыв хохота и криков на время покрыл звон колокольчиков... Мелькнули огни кабака... Турбина охватило отчаянное чувство смелости и веселья.

– Делай! – крикнул он Ваське.

Сани налетели на водовозку, сбили ее в сторону. Около завода какая-то фигура вынырнула из темноты и упала на ноги Турбина.

– Митька? Ты? – крикнул Кондрат Семеныч.

– Ребята гнались, – молчи!

И на повороте в село фигура выпрыгнула из саней и опять скрылась в темноте.

В избах светились огни, чернели кучки народа на улице, шум и гам покрывали горластые песни, толкотня, пляска, гармоники. Стоном стояла и разливалась протяжная «страдательная», ее заглушал азартный трепак, топот ног и взвизгивания...

Сперва попали в какую-то избу, битком набитую народом. С непривычки Турбину показалось даже страшно в ней: так было жарко, низко и людно... Шла игра в «короли». Неиграющие, ложась друг другу на плечи и почти доставая головами до потолка, покрытого от черной топки словно черным густым лаком, теснились к столу.

За столом сидели ребята в расстегнутых полушубках и чистых рубахах, девки в красных ситцах, сильно пахнувших краскою. У всех были сжаты корабликом карты в руках и напряженно веселы лица. Ребятишки шмыгали по ногам, лезли из сенец в избу. «Выстудили избу, окаянные!» – кричала на них хозяйка и громко спрашивала Кондрата Семеныча:

– А это чей же будет?

– Свой, тетка! – ответил Турбин с хохотом и, севши на лавку, не удержался, завалился за сидящих и задрал ноги.

А через минуту он был опять в санях. Кондрат Семеныч втащил в них какую-то хохочущую солдатку и, стоя, крикнул Ваське:

– К печнику!

– Попала шлея под хвост! – подхватил Турбин.

ХХ

От посещения печника более всего осталось в памяти его пение. И сам печник, волосатый, пожилой мужик, и жена его, всегда веселая и разбитная баба, больше всего на свете любили водку и песни. Гости за посещение их избы напаявали их, и беспутные супруги бывали очень довольны такими вечерами. И теперь тотчас же в

Учитель. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

печке запылал огонь, зашипела и затрещала яичница с ветчиной, загудела труба на самоваре. Запьяневшая, раскрасневшаяся хозяйка поддувала пламя под таганчиком и с ласковой улыбкой останавливалась, рассматривая Турбина. Затем начался пир. За каждым куском следовала водка; ошалевший Турбин не отставал от других, хотя уже чувствовал, что с великим трудом слышит говор и песни вокруг себя. Песни начал печник. Положив голову на руку, он что ни есть мочи разливался таким неистовым криком, что на шее у него вздувались синие жилы.

– Ешьте, что ль, ветчину-то! – кричала хозяйка.

Турбин машинально, кусок за куском, ел страшно соленую ветчину, и челюсти у него ломило от бесплодных усилий разжевать эти жареные брусочки.

На печника уже не обращал никто внимания. Перебивая его песни, Кондрат Семеныч с Васькой лихо играли на двух гармониках «барыню», а бабы, с прибаутками, с серьезными, неподвижными лицами выхаживали друг перед другом, постукивая каблуками.

Посылала меня мать
Караулить гусака, –
вычитывала хозяйка.

Уж я ее кнутом,
И кнутом, и прутом, –
бойко покрикивала в ответ солдатка, то прихлопывая в ладоши, то упирая руки в бока.

– Делай! – повторял Васька, потрясая гармоникой над головой и пускаясь в самые отчаянные варьяции «барыни». В чаду беспричинной напряженной веселости сознание учителя иногда прояснялось. «Где это я? Что такое?» – спрашивал он себя, но тотчас начинал хлопать в ладоши и в такт «барыни» стучать сапогами в пол.

А за окном, которое завесили попоной, галдел народ, порываясь в избу. Горький пьяница, рабочий с завода, Бубен, огромный худой мужик, с лошадиным лицом, с растрепанными пьяными губами, несколько раз отворял дверь.

– Не пускай, ну его к черту! – говорил Кондрат Семеныч.

– Ну, что ты? Кого тебе? – спрашивала хозяйка, загораживая порог.

Улыбаясь и качаясь, Бубен придерживался за притолоку и говорил:

– Да чего? Да ничего! Зайтить закурить только.

– Никого тут нетути. Иди.

– Буде, буде толковать-то!

– Тури его в шею! – кричал Кондрат Семеныч.

У Турбина нестерпимо ломило в темени от жары и водки. Но он все еще не отставал от других, и, когда раздались крики, что с лошадей сняли вожжи и чересседельник, он даже выскочил вместе с Васькой на улицу, готовый на отчаянную драку. На морозе водка еще более разобрала его, и с этого момента воспоминания его совершенно путаются.

Запомнил он только то, что долго бродил по сенцам, а когда Кондрат Семеныч выпихнул к нему какую-то бабу, он потащил ее на скотный двор, и она вырывалась и торопливо шептала:

– Что ты, что ты? Ай подеялось?... Ай очумел?... Ох, батюшки, пусти, пусти-и... Тут погребница!..

И ошалевший Турбин опять с трудом отыскал дверь в избу и очутился в полном мраке, и эта темнота, шепот, возня на соломе еще более взбудоражили его кровь. Он долго шарил по соломе трясущимися руками, наткнулся на печника, который сидел на полу и бормотал что-то, повалил кочергу. – потом потерял всякое представление о том, где он...

Чувствовал только во сне, что откуда-то по ногам несет холодом. Он тщетно прятал их под солому. Потом началась страшная жажда. Все внутри у него горело, и он чувствовал это сквозь сон и никак не мог проснуться, а все шептал горячечным шепотом:

– Пить... Бога ради пить!..

Казалось, что какая-то толпа растет вокруг него, а он пляшет под «тарантеллу», пляшет, пляшет без конца и вдруг слышит над своей головой рукоплескания и крики, отчаянный крик. Он вскочил: петух еще раз крикнул на всю избу и затрепыхал крыльями.

Холод плыл по ногам. Еле-еле светало. В смутном сумраке было видно несколько человек, спящих на соломе. Шатаясь, Турбин начал шарить по печуркам спичек; в печурках были какие-то сырые теплые перья; на грубке лежала деревянная спичечница, но она была пуста. Турбин задыхался от жажды.

– Бога ради, напиться! – сказал он громко.

– Ох, чтоб тебе совсем! Вот напужал-то!

Солдатка вскочила и, заспанная, торопливо и неловко стала завязывать юбку и завертывать под платок сбитые волосы.

– Пить нет ли? Душа запеклась!

– Посмотри в угле, в щербатом чугунике.

Турбин с жадностью припал к чугунику. Но квас был так кисел и холоден, что Турбина с первых глотков подхватила лихорадка, и, не попадая зуб на зуб, он бросился по нарам, через Кондрата Семеныча, на печку; Кондрат Семеныч замычал и заскрипел во сне зубами.

Какой-то тяжелый запах и тепло охватили Турбина, и он заснул как убитый. Но и этот сон продолжался как будто мгновение. Затопили печку по-черному, и дым, пеленой потянувшийся под потолок в дверь, завешенную попоной, стал душить Турбина. Он зарывал голову в солому и сор, но ничто не помогало. Тогда он свесил голову с печки, кое-как приладил ее к кирпичам и так проспал до самых завтраков.

В завтраки Кондрат Семеныч, с опухшим лицом, но уже в спокойном, будничном настроении, сидел за столом против печника, похмелялся и, вертя сигарку, поглядывал на сонное лицо Турбина. Оно было как мертвое: истомленное, страдальческое и кроткое.

– Вот-те и педагог! – сказал он с сожалением. – Пропал малый!

– Сирота небось! – задумчиво произнес печник.
1894

Примечания

1 Повторение – мать учения (лат.)

2 Превосходно! (лат.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!